

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Российская культура глазами французского исследователя

Традиционные формы русской культуры (такие как жилище, народные промыслы, ярмарки и др.) не отягчены излишним вниманием к себе со стороны зарубежных ученых. Нужно не просто интересоваться, но и любить русскую культуру, чтобы посвятить свою жизнь исследованию далеко не самых ярких сторон русской жизни. Поэтому когда встречаешься со столь заинтересованным взглядом, невольно проникаешься уважением, а после знакомства и почтением к автору. Профессор Кербле из числа таких исследователей.

Среди российских ученых, занимающихся своей культурой, распространены две точки зрения на работы иностранцев о России. В соответствии с одной, «они» ничего не понимают в особенностях русской культуры и обречены занимать позицию эпигонов. Представители такого взгляда, как правило, являются приверженцами идеи «непостижимости русской души» и переубедить их в этом невозможно, да и бессмысленно. Остается только сожалеть, что подобное отношение является довольно распространенным, и в настоящее время ряды сторонников «русской идеи» не только не уменьшаются, но растут, что объясняется крайней степенью закомплексованности и вызванным ею стремлением к закрытости*.

* Хотелось бы напомнить, что концепт русскости имеет вполне обозримую историю, поскольку начало его формирования относится к позднему времени. Как и любой другой образ культуры (русской, немецкой, грузинской), он создавался и продолжает создаваться с двух точек зрения: внешней (иностранцами наблюдателями) и внутренней («русские о русском»). При этом хронологически первыми были, разумеется, наблюдения и обобщения с внешней точки зрения. Каждая культура сначала создает образы «чужого», а уже затем приступает к

Между тем, взгляд извне всегда представляет несомненную ценность, поскольку ему открыто то, на что мы, как правило, не обращаем внимания. Кроме того, иностранный исследователь так или иначе описывает русские реалии с позиции другой культуры, от чего они приобретают неожиданный вид и позволяют нам увидеть в знакомом незнакомое — эффект, который так трудно удается при взгляде изнутри.

Будучи энциклопедически образованным исследователем (это ощущается с первых строк и подкрепляется при взгляде на библиографический аппарат), Базиль Кербле вводит предмет своего изучения в широкий европейский контекст. И вместе с тем, поразительно внимание к деталям, а известно, что этнография — наука о мелочах. Обычно зарубежные исследователи дают об-

осмыслению и описанию «себя». Как известно, образы «чужого» основываются на эффекте необычности других культур. Фиксируется то, чем они отличаются от «своей». При этом «свое» считается нормой, а норма до поры до времени не замечается и не описывается. Поэтому самоописания в любой культуре (и русская здесь не исключение) возникают позже описаний извне, и усваивают из «внешнего текста», прежде всего, тезис о своей уникальности. Если огрубить ситуацию, то можно сказать, что миф о «загадочной русской душе» (как и о не менее загадочных немецкой, румынской и т.д.) создавался на первых порах иностранцами. И это естественно. Русские были (и остаются) загадочными для других, но никак не для себя.

Тему уникальности русских и необычности русской жизни добросовестно разрабатывали С.Герберштейн, И.Масса, С.Коллинс, де Кюстин и многие другие иностранцы, посещавшие русские земли начиная с XVI века и оставившие после себя записки, полные удивлений и восклицаний. Позже (примерно с конца XVIII века) к этому увлекательному занятию подключились и сами русские, поскольку к этому времени появилась необходимая для рефлексии социальная и интеллектуальная дистанция между теми, кто мог занять отстраненную позицию по отношению к своей культуре (элитой) и социальными низами, которые стали называться «народом». Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский и другие соотечественники оставили после себя многочисленные наблюдения над рускостью. Собственно, это был тоже взгляд со стороны, поскольку истинными носителями русскости считались представители «простого народа». Другими словами, русскость конструировалась элитой, но приписывалась «народу». Сам «народ» не был озабочен своей рускостью. Вплоть до самого позднего времени локальное сознание было важнее. Показательно, что в «Пословицах» В.Даля все паремии о «русском» умещаются на одной странице, в то время как о нравах новгородцев, москвичей, псковичей и жителей других губерний — на порядок больше.

На сегодняшний день текст русскости представляет собой конструкт, синтезирующий внешнюю и внутреннюю точки зрения на специфику русской культуры.

щую, более или менее приблизительную картину. Совсем другое дело в данном исследовании. По степени конкретизации материала, посвященного, например, русской избе, мне не известно аналогичное отечественное исследование. Я и сам узнал много для себя нового, хотя много лет посвятил изучению той же избы. Базиль Кербле увидел те сюжеты, которые обычно не привлекают внимание российских специалистов, такие как гигиена и проч. Вместе с тем, самые обычные этнографические темы под пристальным взглядом Базиля Кербле приобретают нетривиальный смысл.

Вот, казалось бы, нудное, полное цифр и статистики исследование Б.Кербле об охотниках и мехоторговцах, но каким современным оно является. Это не этнография, а высокая антропология. Не могу удержаться от того, чтобы привести заключительный абзац этого исследования.

Вот и подошло к концу наше путешествие по следам соболя — от места, где он попался в капкан до обнаженных плеч светской дамы в роскошном салоне где-нибудь в Санкт-Петербурге или Баден-Бадене. По пути мы увидели три совершенно несхожих и чуждых друг другу сообщества: мелкие клановые группы людей, которых заставляют выходить из таежной чащи табак, алкоголь и необходимость платить налог; русские крестьяне, подыскивающие доходное занятие в межсезонье; и городской торговый люд, эксплуатирующий и эксплуатируемый. Любопытный случай паразитического переплетения традиционного семейного хозяйства и рыночной экономики с ее разветвленной сетью — от ремесленников до крупных международных фирм.

В статье, посвященной ярмаркам, впервые в этнографической литературе рассмотрен российский внутренний рынок как единое целое. И здесь Б.Кербле верен себе: он не ограничивается описанием российских ярмарок, но пытается проанализировать функциональные отношения между ними. Внимательное отношение к источникам и тщательный анализ дореволюционной и советской статистики позволяет ему (насколько это возможно) воссоздать картину межрегиональных обменов и прийти к довольно неожиданным выводам о характере взаимоотношений между традиционными и новыми (капиталистическим) формами торговли.

Нужно сказать, что работы Б.Кербле, несмотря на характерную для них академичность, всегда ориентированы на те сюжеты, которые если и не злободневны, но остро актуальны для

понимания истории русской культуры. К их числу относится и работа об эволюции питания в России с 1896 по 1960 год. Автор поставил перед собой цель ответить на вопрос: «как сказались индустриализация и коллективизация на традиционном питании русских крестьян». Задача в высшей степени интересная и сложная, тем более, что многим советским исследованиям в этой области доверять было бы опрометчиво, а опубликованный материал по меньшей мере тенденциозен. Оказалось, что на протяжении всего этого периода структура питания оставалась практически неизменной. Разумеется, исследованный период отмечен самыми серьезными катаклизмами и крайне неоднороден, но общие тенденции сохранялись. Среди них — существенный разрыв между питанием деревни и города, постепенное увеличение количественных показателей при постоянных качественных характеристиках пищи и др.

Если говорить о том общем, что объединяет работы, собранные под одну обложку в этом небольшом сборнике, то им окажется синтез этнографического и экономического подходов к реалиям русской жизни. Такой взгляд отнюдь не нов, и с этой точки зрения на русскую культуру пытались посмотреть многие исследователи. У одних получалось лучше, у других — хуже, но никаких особых неожиданностей не обнаруживалось. Когда те же сюжеты рассматривает Базиль Кербле, оказывается, что этнография и экономика каким-то образом повышаются в ранге и становятся в высшей степени современной экономической антропологией. А это доступно только талантливым исследователям.

Альберт Байбурин